

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ГОРЕ: В ПОИСКАХ ВИНОВНОГО В ТРАГИЧЕСКОМ СОБЫТИИ.

Пергаменщик Л.А., докт. психол. наук, г. Минск, Беларусь

В ситуации потери возникает неодолимое стремление связать трагическое в каузальную цепь, которая призвана облегчить страдание, получив ответы на вопросы: почему так случилось и кто виноват. В сознание человека вошло как аксиома убеждение, что нашу жизнь счастливой и не очень делают, в первую очередь, наше ближайшее социальное окружение и особенности взаимодействия с ним.

В самом начале преодоления ситуации горя человек пытается найти виновного в трагическом событии, но первые поиски, как правило не дают надежных результатов. Вот почему, через ряд этапов, пострадавший, чтобы избавиться от невыносимости отчаяния, вновь и вновь оглядываясь по сторонам, возвращается к теме поиска виноватого. Первые чувства, которые человек выражает, уходя от отчаяния это состояния гнева и злости. О взаимосвязи страдания и гнева указывает К. Изард: «гнев может также быть противоядием от страха, что дает возможность предположить существование связи страдание — гнев — страх» [1, с.260]. Гнев это базисное средство, противоядие отчаяния. Механизм такого противоядия имеет два направления: во вне и во внутрь.

Первоначально такая активность носит неопределенный характер. Состояние отчаяния требует немедленного выхода, но когнитивная сфера работает с перебоями и часто действует в черно-белом варианте. Поэтому активность отчаяния направлена на попытку ответить на вопрос, который приходит чаще первым: «кто виноват?» Гнев должен иметь объект, иначе он будет носить саморазрушительный характер. Найти виновного и обратить на него весь свой гнев, всю агрессию.

Поиск виновного достаточно прост и схематичен, а деятельность эта по времени короткая. Возможные варианты: 1) Я виноват; 2) другой (другие) виноваты; 3) некие сверхъестественные силы (бог, судьба и др.). Чаще всего человек начинает с себя. В помутненном состоянии сознания законы гештальтпсихологии не работают,

человек не видит фона, не видит почти ничего вокруг себя, он зациклился на невозможности выйти из состояния отчаяния, а выйти необходимо.

Для иллюстрации особенностей вмешательства чувства вины в характер взаимодействия человека с близкими людьми приведем повесть Мисима «Смерть в середине лета» [2].

Событие. Молодая красивая женщина Томоко Икута с тремя детьми и с золовкой отдыхали в курортном местечке на берегу моря. В описываемый момент Томоко спала после обеда в номере гостиницы, а трое ее детей были на попечении Ясуэ, так звали золовку, и игрались на берегу моря, строя песчаную крепость. По трагическому стечению обстоятельств погибло двое детей и золовка.

Перед нами разворачивается история героини повести, с которой случилось трагическое событие смерть двух ее детей. Мы пропускаем предшествующие этапу вины переживания. Чувство вины возникло в ее сознании, когда она поняла, что предстоит встреча с мужем. «Томоко страшно было думать о предстоящей встрече с мужем. Это все равно, что предстать перед судом, думала она» [2, с. 271].

Вина требует осуждения (суд) и наказания. Томоко решила, что ей предстоит суд совести. Трагическое событие невыносимо и что можно сделать с ним, как с ним справиться, как преодолеть. Почему же она решила взять вину на себя, что здесь от реальной вины, а что от невротичной. Мы уже отмечали, что состояние отчаяния требует перейти в другой психологический статус, другое состояние. Легче всего перейти в статус виновной. Вина требует наказания, наказание есть уже какое-то действие, в котором возможна осмысленность. (Так дети без вины чувствуют себя виновными за смерть близких – под наказания хулиганским поведением, чтобы облегчить несъяснимые страдания). Да, вина сопровождается муками совести, но в мучении есть процесс переживания, а, следовательно, и преодоления, избавления, так как после вины следует суд и осуждение, после осуждения срок, а, следовательно, и возможное освобождение. «Новая неотвратимая мука неумолимо приближалась...» [2, с. 271]. Томока ждала мужа «словно преступница, ожидающая приговора» [2, с. 276]. Она опустилась на колени, рухнула на пол и залилась слезами: прости меня прости, - прошептала она.

Вторую порцию вины Томока разрешила себе получить при встрече с родителями мужа. «Новая она заставила себя произнести страшные слова: «Это я во всем виновата». Но тут же решила отказаться от этой роли. «Они думают, что это я во всем виновата», воскликнула Томоко. Но ведь я потеряла двоих детей. Это меня, надо пожалеть в первую очередь!» [2, с. 278], - жаловалась она уже своим родителям. И, наконец, она находит «истинного» виновника трагедии: «виновата-то не я, их меня погубила Ясуэ. Ее счастье, что она умерла» [2, с. 278].

Итак, чувство вины, в своем развитии, у Томоко появлялось в трех различных ликах. Первый лик. Возникновение *безусловной вины*. Выполняла **оправдательную функцию** перед собой и, особенно, перед другими (в нашем случае перед мужем). Вторым лик. Здесь вина выполняла **защитную функцию** перед родственниками и требовала подчеркнутой жалости (меня надо пожалеть). Третий лик. Томоко категорически отвела от себя вину и нашла внешнюю причину трагического события. Как только был найден «истинный» виновник случившегося, у Томоко появилось чувство гнева, в котором содержится ресурс для преодоления. Золовку Ясуэ – не

жалко и она испытывала нечто схожее с ненавистью к покойной. Мысли о собственной вине в случившемся стали меняться на мысли о неправильном распределении обязанностей. Нельзя было поручать кому-либо «заботу о своих детях» [2, с. 280]. Здесь вина выполняет перманентную функцию перехода от отчаяния через гнев к выздоровлению, здесь она выполняет **функцию канализации страдания**.

Чувство вины может перейти в **хроническую стадию**, если человек начнет себе отказывать в праве на счастье когда-либо в будущем. Я не имею право на счастье, восклицала Томоко, - я должна плакать, иначе я бездушна и легкомысленна. Вина, - утверждает И. Ялом, - это средство отрицания смерти [3]. Она имеет следующий подтекст: если бы я делала что-то иначе, то могла бы предотвратить его (ее, их) смерть. Более широко: смерть не неизбежна, раз у нее есть причина, которую можно избежать, на которую можно воздействовать, а следовать и управлять. Неправда, что человек «заброшен» в этот мир, что он обречен на одиночество. Есть в мире какой-то порядок, в который можно вовремя встроиться и свои усилия, а следовательно, избежать и саму смерть. Если же ты упустил свой шанс, прозевал возможность влияния, то тебе и придется отвечать перед судом собственной совести как совместной вести.

1. Исгард К. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980.

2. Мисима Ю. Смерть в середине лета // Золотой Храм: Роман, новеллы, пьесы. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — С.262 — 309.

3. Ялом И. Мамочка и смысл жизни. Психотерапевтические истории. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 288 с.